Захаркевич С.А. Основные формы адаптации этническиз меньшинств Беларуси в иноэтнтческой среде в XIV-XVIII вв./ С.А. Захаркевич // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальк ов, О. А. Яновский (отв. редакторы) [ и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 112-116.

**С. А. Захаркевич**

# ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ БЕЛАРУСИ В ИНОЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ В XIV—XVIII вв.

Межэтнические отношения традиционно представляют собой актуальную проблему для полиэтнической белорусской территории на протяжении многих столетий. За период XIV—XVIII вв. на белорусских землях сформировались этнические меньшинства евреев, татар, цыган, русских старообрядцев, шотландцев и других народностей. Одной из важнейших причин формирования такой пестрой этнической структуры является толерантность общества Великого Княжества Литовского [4, с. 169; 5, с. 12]. Это в значительной степени предопределило формирование впоследствии устойчивых традиций этнической терпимости, действующих и сегодня. Именно исторический опыт межэтнических отношений, процессы адаптации к иноэтнической среде, формы и содержание приспособления культур меньшинств и этнического большинства вызывают значительный интерес у исследователей современных полиэтнических обществ.

Этнические меньшинства переселялись на территорию Беларуси в XIV—XVII вв., в социокультурное пространство с уже устоявшейся социальной иерархией, стратификацией, доминирующими религиозными традициями, материальной и духовной культурой. Они вынуждены были адаптироваться к этим условиям (атрибутивная характеристика этнических меньшинств), завоевывать собственные социально-экономические ниши, формировать каналы коммуникации с местным населением. На содержание межэтнических отношений оказывали влияние многие факторы: политические условия, этноцентризм окружающего населения, социальная структура общества ВКЛ, религиозные традиции.

В рассматриваемый период этнические меньшинства и этническое большинство на белорусских землях не представляли собой единого социокультурного организма, а потому и не рассматривали таковыми друг друга. В основе социальной структуры ВКЛ лежали сословные и корпоративные представления. Привилегированное сословие (великие князья, магнаты, шляхта и высшее духовенство), мещане (купцы, ремесленники и земледельцы) и крестьяне в свою очередь обладали социальной, профессиональной и религиозной стратификацией. Каждая из таких групп имела собственные политические и экономические интересы, которые определяли отношение к этническим меньшинствам.

Этнические меньшинства в описываемый период также не представляли собой единой социальной общности. Еврейское меньшинство принадлежало к сословию горожан, которое стратифицировалось по экономическому признаку [14, с. 30]. Социальная структура татарского меньшинства была близка социальному устройству ВКЛ. Однако до XVI в. татарское меньшинство Беларуси было этнически неоднородным конгломератом татарских племен. Это мешало внутригрупповой солидарности [12, с. 86]. Адаптацию татар (прежде всего претендовавших на шляхетские права) в значительной степени замедляла чуждая христианским средневековым и модерным обществам религия — ислам. Образ жизни и социальные традиции цыганского меньшинства не вписывались в социальную структуру белорусов, что провоцировало в отношении их множество запретительных актов [13, с. 32]. Старообрядцы в основном принадлежали к сословию крестьян, но религиозные разногласия среди множе-

**Захаркевич Степан Артурович** — доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

ства поповских и беспоповских толков задерживали консолидацию этнического меньшинства [11, с. 24]. Шотландцы легко переходили на местные языки в течении одного-двух поколений и стремились к полной адаптации к культуре Речи Посполитой [3].

Понимание отношений между белорусами и этническими меньшинствами Беларуси нельзя считать полным при условии только рассмотрения позиций всех социальных слоев ВКЛ по отношению к этническим меньшинствам и выяснения социально-экономического и правового статуса этих этнических общностей. Необходим анализ форм их адаптации — моделей поведения в процессе приспособления к незнакомому (и нередко враждебному) социальному и культурному окружению.

Адаптация этнических меньшинств проходила в непосредственном контакте с белорусами, поэтому определяющим элементом данных стратегий является готовность и способность к взаимодействию с «другими» во всем многообразии социального. Коммуникативные модели являлись стержнем более широких социальных стратегий выживания, которые включали в себя все аспекты жизнедеятельности. В этнологии в сфере межэтнического взаимодействия традиционно различают следующие типы моделей коммуникации: изоляция, приспособление и ассимиляция [10, с. 12].

Для первой модели характерна попытка избежать прямых контактов с чужой этнической культурой. На этой модели формируется и реализуется стратегия самоизоляции этнических групп через осознанное выстраивание социальных барьеров. На белорусских землях такая модель в чистом виде не встречалась. Наиболее яркими носителями этой стратегии являлись евреи, накопившие огромный опыт и традиции создания диаспор и уникальной системы самоуправления — кагала. Переселение в ВКЛ еврейских общин было вызвано репрессиями против них в Центральной и Западной Европе. На территорию Беларуси они попадают с уже сложившимся менталитетом беженцев-изгоев. Это выразилось в геттоизации меньшинства, в стремлении оформить правовой статус отдельных общин и всего меньшинства в целом, создании своего микромира, в котором живут соплеменники и присутствует собственная этнокультурная среда.

Городские общины стремились концентрироваться в одном месте, постепенно выстраивая классическое гетто с воротами, перекрывающими улицы, требованиями безопасности у городских властей. Такие кварталы существовали во всех крупных городах Беларуси. Ограниченное пространство для проживания формировало жесткие социальные структуры — системы взаимоотношения отдельных групп и слоев внутри этнического меньшинства в рамках единого целого. Этому способствовала религиозная талмудическая традиция, детально регламентировавшая все сферы жизни. Латентной функцией этой традиции была необходимость поддержания высокого образовательного внутригруппового ценза посредством собственной системы образования. Ни одно другое этническое меньшинство Беларуси не смогло сформировать собственную целостную систему образования. Через местные начальные школы (хедеры) и аналоги высших учебных заведений (иешиботы) сохранялись и активно развивались: язык повседневного общения (идиш) и религиозных текстов (иврит) [15, с. 121—122]. Все это в сочетании с ограничением для основной массы представителей меньшинства в передвижении вне своего кагала сохраняло гомогенность группы.

Такие формы адаптации вызывали аналогичные ответные действия белорусского населения в виде соучастия в создании групповых границ в процессе коадаптации — взаимного приспособления к изменившимся условиям существования. Статут ВКЛ 1588 г. содержал норму, запрещавшую межгрупповые браки. Магистраты настаивали на проживании евреев в строго оговоренных и отведенных для них местах. Государственные власти поддерживали стремление кагалов к самоизоляции.

Стратегия изоляции не могла полностью исключить еврейское меньшинство из процесса взаимопроникновения культур. Наиболее ярко этот процесс наблюдался в среде еврейской

экономической элиты, которая в связи с профессиональными интересами постоянно вступала в контакты с представителями других этнических общностей и легко перенимала и заимствовала элементы их культур [6, с. 219]. Однако этническое меньшинство не принимало такие заимствования, вынуждая отдельных представителей своей элиты принимать христианство или отказываться от внешнего влияния. Частично проникновение протекало в культовом зодчестве, под влиянием местных архитекторов, которых еврейские общины были вынуждены нанимать. Так, главная синагога Слонима имела типичный барочный вид, характерный для католических монастырей XVII—XVIII вв. В частности, фасад синагоги имел общие черты с фасадно-фронтонными формами бригитского и францисканского монастырей Гродно и особенно с францисканским костелом в Гольшанах [16, с. 84].

Нередко в стратегии изоляции (автаркии) выделяют модель противостояния (агрессивную изоляцию). Она формируется на основе враждебного отношения к иной культуре, насаждения своих этнических стереотипов, образцов поведения в среду белорусского этноса. В описываемый период такая модель не была характерной ни для одного этнического меньшинства Беларуси.

Приспособление как гибкая модель межэтнической коммуникации проявлялась через сокращение культурной дистанции, осознание необходимости принятия образцов новой культуры и возможность синтеза «своего» и «чужого». Данная социальная стратегия была характерна для татарской общины Беларуси. Готовность заимствовать, трансформировать собственную культуру, стереотипы поведения, вырабатывать новые, даже экзотические элементы объяснялась этнической неоднородностью татарского меньшинства, первоначально являющегося механической совокупностью представителей множества племенных групп. В отличие от евреев, цыган или старообрядцев татарское меньшинство сформировалось как единая этническая группа к XVI в. уже на территории ВКЛ [5, с. 79].

В процессе этнической консолидации татарское меньшинство Беларуси начинает использовать язык титульного этноса, а вернее, представители сословных групп этнического меньшинства стали пользоваться языком, принятым в данном сословии [2, 165—166]. Гибкости культурной адаптации татар содействовала схожесть социальной стратификации татарских орд и Крымского ханства с социальной структурой ВКЛ в рамках глобальной феодальной цивилизации. Аналогичность стратификации формировала сходные стратегии адаптации, поэтому татарская община достаточно легко «вписалась» в социальное пространство титульного этноса. Общий язык, занятия, одежда помогали приспособлению татар к новому окружению. Даже один из наиболее консервативных элементов культуры — религия — подвергся серьезным изменениям [2, с. 183—184].

Татары начали миграцию в Беларусь практически сразу же после принятия ислама, во время царствования хана Джанибека (1342—1357 гг.), глубоких традиций ислама еще не существовало, поэтому их трансформация проходила безболезненно. Уже в середине XVI в. анонимный автор «Рисале-и-татары-и-лех» (Трактата о польских татарах) признавал, что в глазах мусульман татары ВКЛ выглядят неверными [8, с. 9]. Там же упоминается обычай татар ВКЛ хоронить на своих кладбищах жен и родственников умерших другой веры. Тем не менее ислам татар ВКЛ являлся одним из важнейших механизмов противодействия полной культурной ассимиляции. Автор антитатарского памфлета «Альфуркан татарский» Петр Чижевский уже в 1616 г. отмечал религиозный фактор этнической принадлежности татар: «...ти татарове до Польски загнаны, вшисци ся похрыстили и стали едным людем з Поляки...» [4, с. 4]. В том же памфлете, призывая к разрушению татарских мечетей, Петр Чижевский приводил интересный аргумент в вопросе первоначального разрешения строить мечети в ВКЛ — верили, что татары перейдут в христианство [4, с. 26].

Коммуникативная модель ассимиляции формировала стратегию отказа от прежнего, собственного этнического сознания, принятие нового кода культуры — языка, слов, жестов,

норм, привычек. Такая форма адаптации была реализована шотландской общиной, которая к концу XVIII в. растворилась в культурном окружении этнического большинства.

Первая форма адаптации связана с потерей привычных символов, знаков социальной коммуникации и отсутствием новых знаний. Она осложняет и формализирует межэтническое взаимодействие. На групповом и личностном уровнях эта модель поведения препятствует этническому большинству воспринимать культуру этнических меньшинств адекватно характеристикам их носителей. Эта стратегия, как правило, ведет к концентрации межэтнической напряженности в скрытой форме и может вызвать серьезные конфликты, традиционно имеющие социальную окраску. Погромы еврейских кварталов в городах (Вильно, Гродно, Могилев, Минск), восстание под руководством Ващилы против злоупотреблений еврейских арендаторов стали открытым проявлением этих тенденций.

При следовании второму типу форм адаптации этнические меньшинства овладевают языком белорусского этноса, устанавливают тесные личные и общественные контакты, проявляют социальную активность. При этом они сохраняют приверженность к своей культуре, идентифицируют себя со своей этнической группой, фактически способствуя диалогу культур, преодолению замкнутости. Такое групповое поведение было наиболее характерно для татар и цыган.

Третья стратегия изменяет культурную идентичность этнического меньшинства, оно полностью перенимает традиции этнического большинства и следует им. Этот процесс может проявляться как на поведенческом уровне, так и на уровне социального восприятия, в последнем случае у меньшинства формируются новые установки, культурные ценности.

Вторая и третья модели позволяют преодолеть кризис межэтнических отношений, разрушить демаркационные линии и коммуникации в сложном социальном пространстве, противостояние между «своими» и «чужими», хотя в условиях феодального общества это было крайне сложно.

Отношения между этническими меньшинствами и белорусским этносом носили сложный и противоречивый характер. Оба субъекта коммуникаций не были однородными и стратифицировались по сословным, профессиональным и другим группам, каждая из которых могла участвовать в межэтнических отношениях. Поэтому межэтнические отношения представляли собой не только дихотомию «большинство — меньшинство», но также включали внутрисословные и внутрипрофессиональные отношения.

Для межэтнических коммуникаций белорусского этноса и этнических меньшинств Беларуси было характерно формирование групповых барьеров. Это процесс, в ходе которого группы сохраняют границы, отделяющие их от остальных. По мнению Ф. Барта, групповые барьеры формируются и реализуются через «механизмы исключения», которые усиливают разделение этнических групп [1, с. 19]. К таким механизмам относятся, в частности, ограничение или запрещение межгрупповых браков, ограничение социальных и экономических контактов, таких как торговля, и физическая изоляция групп друг от друга (этнические гетто). Когда члены одной из групп занимают преимущественное положение по отношению к другой этнической группе или группам, возникновение барьеров сочетается с перераспределением ресурсов.

Появление этнических меньшинств в новой для себя культурной и социальной среде вынуждало реализовывать специальные формы адаптации, позволяющие приспособиться к новому этническому окружению.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Barth, F.* Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference / F. Barth. Long Grove: Waveland Press, 1998. 153 s.

2. *Borawski, P.* Asymilacja kulturowa Tatarów w Wielkim Księstwie Litewskim / P. Borawski // Odrodzenie i reformacja w Polsce. T. XXXVI. 1992. S. 163—192.

3. BUW. Отдел рукописей. Сигнатура 595 (17). Zieliona księga. Księga Bractwa Szkotów w Lublinie z lat 1680—1732.

4. *Czyżewski, P.* Alfurkan Tatarski prawdziwy / P. Czyżewski. Wilno : J. Karcan, 1617. 75 s.

5. *Kryczyński, S.* Tatarzy litewscy. Proba monografii historyczno-etnograficznej / S. Kryczyński // Rocznik Tatarski. 1938. T. 3. 377 s.

6. *Krupa, J.* Żydzi w Rzeczypospolitej w czasach saskich — ludzie pogranicza / J. Krupa // Między Zachodem a Wschodem. Etniczne, kulturowe i religijne pogranicza Rzeczypospolitej w XVI—XVIII wieku / pod red. K. Mikulskiego i A. Zielińskiej-Nowickiej. Warszawa : Mado, б.д. S. 216—222.

7. *Litwin, H.* Narody Pierwszej Rzeczypospolitej / H. Litwin // Tradycje polityczne dawnej Polski / pod red. A. Sucheni-Grabowskiej i A. Dybkowskiej. Warszawa, 1993. S. 168—218.

8. *Muchlinski, A.* Zdanie sprawy o Tatarach litewskich / A. Muchlinski // Teka Wilenska. 1858. № 4. S. 1—32 (241—272); № 5. S. 75—91 (121—179); № 6. S. 95—137 (139—183).

9. *Tazbir, J.* Tradycje wieloetnicznej Rzeczypospolitej / J. Tazbir // Inni wśród swoich / pod red. W. Wladyki. Warszawa : Pan, 1991. S. 12—23.

10. Założenia teorii asymilacji: Praca zbiorowa / pod red. H. Kubiaka, A. K. Palucha. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk : PAN, 1980. 216 s.

11. *Гарбацкі, А. А.* Стараабраднiцтва на Беларусi ў канцы XVII — пачатку XX ст. / А. А. Гарбацкі. Брэст: Выд-ва Брэсцкага дзярж. ун-та, 1999. 202 с.

12. *Гэмбіцкі, Я.* Да пытання аб сацыяльна-эканамічным стане беларускіх татар у сярэднявечча / Я. Гэмбіцкі // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Беларуская АН. Кн. 8. Працы класа гісторыі. 1929. Т. 3. С. 53—64.

13. *Даўгяла, З. І.* Цыганы на Беларусі / З. І. Даўгяла // Наш край. 1926. № 12. С. 25—34.

14. *Забела, Т.* Места Берасцейскае ў XVI сталецьці / Т. Забела // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Беларуская АН. Кн. 8. Працы класа гісторыі. 1929. Т. 3. С. 81—126.

15. *Захаркевич, С. А.* Традиционная система образования этнических меньшинств на территории Беларуси в XIV—XVIII вв. / С. А. Захаркевич // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск : БГУ, 2010. Вып. 5. С. 120—124.

16. *Лакотко, А. И.* Архитектура европейских синагог / А. И. Лакотко. Минск : Ураджай, 2002. 156 с.

## РЕЗЮМЕ

В XIV—XVIII вв. на белорусских землях этнические меньшинства реализовывали различные формы культурной адаптации. На этот процесс оказывали влияние политические и социальные традиции ВКЛ, а также экономическая конкуренция между этническими меньшинствами и белорусами. Культурная изоляция была характерна для евреев и русских старообрядцев, культурное приспособление реализовывали татары и цыгане. Для шотландцев была характерна культурная ассимиляция.

## SUMMARY

In XIV—XVIII centuries on the Belarus earths ethnic minority realised various forms of cultural adaptation. It process was influenced by political and social traditions GDL, and also an economic competition between ethnic minority and Byelorussians. Cultural isolation was characteristic for Jews and Russian Old Believers, the cultural adaptation was realised by Tatars and Gipsies. For Scots acculturation was characteristic.

Статья поступила в редакцию 17 января 2011 г.